

отдѣлены другъ отъ друга значительнымъ промежуткомъ времени, посвященнаго борьбѣ, организаціи и воспитанію массъ *).

Изгнавши народническіе предрасудки изъ политической области, народовольцы позволили имъ остаться въ своей партіи съ другой, болѣе опасной, стороны. Теперь надлежало изгнать народничество изъ послѣдняго убѣжища, въ которомъ оно еще ютилось. Дальнѣйшіе успѣхи социалистической мысли могли начаться только съ критики традиціонныхъ народническихъ взглядовъ на русскую дѣятельность, на ея статику и динамику, подобно тому какъ прогрессъ, коимъ наши политическія воззрѣнія обязаны дѣятельности народовольцевъ, могъ быть достигнутъ только путемъ критики народовольцами устарѣлыхъ народническихъ взглядовъ на политику.

Безсмертной заслугой народовольцевъ передъ русскимъ социаль-революционнымъ движеніемъ остается первая и острая постановка политическихъ задачъ русскихъ социалистовъ, которая значительно облегчила ихъ дальнѣйшіе шаги. Поставивши во главу угла обще-національный вопросъ, низверженіе абсолютизма. Народная Воля сдѣлала также первый шагъ къ тому, чтобы доставить социалистической партіи руководящую роль въ общемъ оппозиціонномъ движеніи страны.

Критику народническихъ переживаній взяли на себя социаль-демократы.

V.

Черный передѣлъ и зарожденіе социаль-демократіи.

Какъ говоритъ Аксельродъ, „родилась русская социаль-демократія... не въ самой Россіи, въ пылу героической борьбы революціонной партіи съ правительствомъ, а среди маленькой группы

*) Во избѣжаніе ложныхъ толкованій, замѣчу, что я не касаюсь здѣсь причинъ неудачи той или другой революціонной партіи (поскольку вообще можно говорить о неудачѣ въ примѣненіи къ такому органическому процессу, какимъ представляется мнѣ наше революціонное движеніе), а пытаюсь лишь намѣтить этапы, черезъ которые проходило развитіе русской революціонной мысли.

эмигрантовъ, спасшихся волею судебъ отъ участи, постигшей большинство ихъ друзей и товарищей“. Эта маленькая группа эмигрантовъ, составившая впоследствіи „группу Осв. Труда“, состояла изъ чернопредѣльцевъ, и это обязываетъ насъ рассмотреть взгляды „Чернаго Передѣла“, давшего начало русской социаль-демократіи, на социальныя и политическія задачи революціонной партіи. Тогда мы убѣдимся, что программа русскихъ социаль-демократовъ естественно сложилась путемъ слянія философско-историческихъ и тактическихъ взглядовъ „Чернаго Передѣла“ съ народовольческими взглядами на необходимость и значеніе политической борьбы и политической свободы, какъ неизбежной переходной ступени къ социализму, и что эта программа, хотя и сформулированная за границей, отвѣчала на вопросы, поставленные самой русской дѣятельностью.

„Черный Передѣлъ“ былъ той частью „Земли и Воли“, которая осталась или, вѣрнѣе, хотѣла остаться вѣрна традиціямъ ортодоксальнаго народничества. Такимъ образомъ члены „Чернаго Передѣла“ были дѣятелями народническаго періода и, поскольку жизнь ставила передъ ними каждый разъ новые вопросы, поскольку она, съ другой стороны, давала часто совершенно неожиданныя рѣшенія на поставленные вопросы, они, послушные голосу жизни, незамѣтно для самихъ себя продѣлали цѣлую эволюцію. Въ конечномъ счетѣ послѣдняя была въ сущности эволюціей самой жизни. Но раньше, чѣмъ мы перейдемъ къ общей эволюціи землевольчества, поскольку она выразилась въ „Черномъ Передѣлѣ“, остановимся на одномъ документѣ, рассмотрѣніе котораго послужитъ для насъ удобнымъ введеніемъ къ болѣе подробному знакомству съ взглядами и надеждами „Чернаго Передѣла“.

Въ 1880 году вышла чрезвычайно интересная и въ настоящее время мало кому извѣстная брошюра Я. Стефановича *). Въ этой брошюрѣ, правда, въ довольно зародышевой формѣ, высказаны

*) „Злоба дня.—Дѣйствующимъ и готовымъ дѣйствовать сотоварищамъ моимъ мое дружеское посланіе“.

многія изъ тѣхъ идей, которыя впоследствіи съ такимъ талантомъ и успѣхомъ развивала группа „Освобожденія Труда“. Выражаемые въ этой брошюрѣ взгляды ясно показываютъ намъ, что съ одной стороны, подъ вліяніемъ разочарованія, наступившаго отъ относительной неудачи „поселеній“, въ народнической средѣ происходила пылкая и дѣятельная работа критической мысли, а съ другой, что террористическая тактика народовольцевъ вызывала у народниковъ живыя опасенія, какъ бы увлеченіе новымъ способомъ борьбы не повело къ полному забвенію пропаганды въ народѣ и организаціи народныхъ силъ.

Авторъ говоритъ, что при всемъ обиліи и величіи нашихъ героевъ, революція у насъ менѣе близка (писано въ концѣ 1880 года), чѣмъ гдѣ-нибудь. Почему? спрашиваетъ онъ, и отвѣчаетъ: „Потому, что наше движеніе не сумѣло втиснуть въ свой закодированный кругъ мужика и рабочаго городского. Разъ оно и дальше будетъ идти все тѣмъ же путемъ,—его вліяніе на дальнѣйшую судьбу народа^{*)} будетъ очень косвеннымъ, а то и просто нулевымъ“.

Стефановичъ находитъ, что современные ему революціонеры пренебрегаютъ пропагандой въ народѣ. Онъ согласенъ, что „насчетъ деревни у насъ найдутся какія-нибудь оправданія“. Но онъ энергично протестуетъ противъ того, что „рабочіе заброшены уже нѣсколько лѣтъ“, а между тѣмъ они „живутъ чуть не въ одномъ съ нами кварталѣ“, да и стоятъ ближе къ революціонерамъ по культурности и развитію. Въ подтвержденіе своихъ словъ о томъ, что рабочихъ „совсѣмъ, можно сказать, забыли“, онъ ссылается на послѣдніе^{**)} процессы; всѣ фигурирующие въ нихъ рабочіе воспитаны движеніемъ до 1876 года.

Старый бунтарь и организаторъ Чигиринскаго заговора уже не возражаетъ противъ „теорій“ новаторовъ, что безъ политической свободы немислимо какъ возникновеніе крупныхъ народно-революціонныхъ организацій, такъ и переустройство общества на социалистическихъ началахъ. Но эти положительныя стороны народоволь-

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

**) Писано въ концѣ 1880 года.

ческой программы не скрываютъ отъ него ея недостатковъ. Вѣрный существу народническихъ традицій, онъ утверждаетъ, что необходима организація народной партіи, какъ въ интересахъ самаго совершенія политической революціи, такъ и для того, чтобы эта политическая революція произошла при наиболѣе выгодныхъ для народа условіяхъ и чтобы народъ извлекъ изъ нея наибольшую сумму пользы.

„Вотъ почему“, говоритъ онъ: „теперь, какъ и всегда, нашей задачей должно быть—созданіе партіи изъ мужиковъ, изъ городскихъ рабочихъ. Вотъ почему теперь, какъ и всегда, эта задача должна стоять во главѣ всѣхъ остальныхъ задачъ“.

Практическое чутье подсказываетъ также автору выборъ той народной среды, на которую должны преимущественно направиться усилія социалистовъ-революціонеровъ. Этой средой, по его мнѣнію, являются „городскіе рабочіе“. „Преимущественный напоръ нашихъ усилий, говоритъ онъ, на городскую рабочую среду получаетъ значеніе экономіи силъ (курсивъ мой), и скорѣйшаго проникновенія революціонной организаціи въ село“.

„Разъ мы успѣемъ провести на столько обширную организацію рабочихъ, насколько это возможно при всемъ теперешнемъ полицейскомъ разгулѣ, то тѣмъ самымъ мы пробьемъ для революціи болѣе широкую дорогу и въ село. Рабочіе глубже насъ поймутъ необходимость вовлеченія въ дѣло революціи и мужика. Они убѣдятся въ этомъ не въ силу народническихъ тенденцій, а просто по соображеніямъ практическимъ: успѣхъ революціи прямо пропорціоналенъ квадрату революціонныхъ силъ крестьянства“.

Выдвигая, такимъ образомъ, на первый планъ необходимость организаціи рабочей партіи, авторъ рекомендуетъ въ то же время положить въ основаніе ея профессиональные и экономическіе союзы. „Экономическая организація должна служить подоснованіемъ организаціи революціонной *rig sang*“ (авторъ хочетъ сказать „политической“).

Поэтому, „соединеніе рабочихъ въ союзы, напримѣръ, на кассахъ самопомощи—таковъ, долженъ быть первый и необходимый приступъ

къ созданію революціонной организаціи рабочихъ“. Въ такіе союзы революціонерамъ слѣдуетъ провести „сознательно социалистическое меньшинство“, которое должно охватить эту организацію широкой „революціонной идеей“. И авторъ думаетъ, что при такомъ способѣ дѣйствій революціонеры „попали-бы какъ разъ, что называется, въ точку“.

Въ основу тактики революціонной организаціи должно, по его мнѣнію, лечь „развитіе мѣстныхъ центровъ, революціонизированіе провинціи“, а руководиться народная партія должна реальными нуждами и потребностями „хранителя и сѣятеля русской земли“...

Теперь мы можемъ обратиться къ „Черному Передѣлу“.

Прежде всего слѣдуетъ отмѣтить тотъ фактъ, что „Черный Передѣлъ“ стоитъ на почвѣ „положеній научнаго социализма“, которыя должны служить для насъ критеріемъ при оцѣнкѣ различныхъ сторонъ и формъ народной жизни“. Онъ заявляетъ дальше, что „экономическія отношенія въ обществѣ признаются нами основаніемъ всѣхъ остальныхъ, коренною причиною не только всѣхъ явленій политической жизни, но и умственного и нравственного склада его членовъ“, „экономическія отношенія въ обществѣ служатъ субстратомъ для всѣхъ остальныхъ категорій человѣческихъ отношеній“. „Въ основѣ общества лежатъ главнымъ образомъ отношенія экономическія, которыми по преимуществу и опредѣляются остальные отношенія — государственныя, юридическія, нравственныя и пр.“ *).

*) Слѣдуетъ вообще замѣтить, что, теорія такъ называемаго „экономическаго материализма“ (правда, въ своеобразномъ толкованіи) пользовалась большою популярностью среди семидесятниковъ, не только среди лавристовъ (несмотря на ученіе о роли „критической личности“), но и среди бакунистовъ. Такъ Бакунинъ, между прочимъ, говоритъ: „Г. Марксъ, въ противоположность ему (т. е., Прудону), высказалъ и доказалъ ту несомнѣнную истину, подтверждаемую всей прошлой и настоящей исторіей человѣческаго общества, народовъ и государствъ, что экономической фактъ всегда предшествовалъ и предшествуетъ юридическому и политическому праву. Въ изложеніи и въ доказательствѣ этой истины состоитъ одна изъ главныхъ научныхъ заслугъ г. Маркса“ (Гос. и Ан. 223 - 224). Дюрингизмъ, съ приписываніемъ преобладающей роли „политическому фактору“, стало распространяться среди русскихъ революціонеровъ только съ возникновеніемъ народо-вольческаго движенія. Интересная справка по вопросу о наследствѣ, традиціяхъ и пр.

Правда, своеобразно понимаемый черно-передѣльцами экономической материализмъ служилъ имъ для не совсѣмъ вѣрныхъ заключеній о роли борьбы за политическую свободу и мирно уживался въ ихъ головахъ съ туманными анархическими взглядами на государство, но, какъ бы то ни было, у нихъ былъ въ рукахъ правильный методъ, который долженъ былъ въ концѣ концовъ помочь имъ исправить свои ошибки и вывести ихъ на торную дорогу.

Исходя изъ принципа, что „радикализмъ прежде всего долженъ стать... радикализмомъ экономическимъ“, и, въ качествѣ „экономическихъ материалистовъ“ sui generis, пытаюсь найти въ русской дѣйствительности реальныя предпосылки для развитія коллективизма, черно-передѣльцы находятъ ихъ въ общинно-артельныхъ „формахъ русской народной жизни“ и являются такимъ образомъ „революціонерами-народниками“. Ожиданіе народомъ „чернаго передѣла“ представляется имъ доказательствомъ его реального стремленія къ коммунистическому укладу, а съ другой стороны, оно-же должно послужить основой для революціонной агитаціи. Но они знаютъ, что народъ ждетъ этого передѣла отъ посторонней силы, по существу враждебной народу, по имъ идеализируемой, и поэтому соц.-рев. партія должна взять на себя заботу „о скорѣйшемъ разрушеніи этой фикціи“. Въ редакціонной замѣткѣ № 2 прямо говорится: „мы никогда не отступимъ отъ убѣжденія, что уничтоженіе вѣры въ эту легенду есть одно изъ необходимыхъ условій народнаго освобожденія“. „Чѣмъ полнѣе и скорѣе совершится разрушеніе политическихъ пидоловъ народа, тѣмъ скорѣе пробьетъ часть его экономической свободы“. Но какъ „экономическіе материалисты“, они должны были себѣ сказать, что фикція эта будетъ разрушена измѣненіемъ экономическихъ отношеній *), и искать такой группы или такого класса, въ которомъ условія жизни уже разрушили въ значительной мѣрѣ

*) Разсматриваемая легенда „сложилась въ нашемъ народѣ подъ вліяніемъ цѣлой массы жизненныхъ условій; она есть результатъ цѣлаго періода нашей исторіи. Ее невозможно поэтому устранить однимъ словомъ, одной устной пропагандой“. Но и не террористическими покушеніями.

эту фикцію, а это неизбежно заставляло их обращать свои взоры на пролетариатъ.

Къ тому же выводу чернопередѣльцы приходили и съ другой стороны. Они понимали, что капитализмъ подготавливаетъ элементы социалистическаго строя. „Нужно обратить вниманіе на тѣ формы коопераціи производителей на Западѣ, которыя служатъ какъ бы прообразомъ организаціи труда и владѣнія въ будущемъ обществѣ“.

„Эти формы созданы крупной капиталистической промышленностью*). Соединяя въ одно организованное цѣлое изолированныхъ производителей ремесленного періода, социализируя трудъ, она подготавливаетъ почву для социализаціи владѣнія, которое, со времени разрушенія западно-европейской поземельной общины, стало индивидуалистическимъ даже по отношенію къ недвижимой собственности. Такъ какъ въ настоящее время уже немислимъ возвратъ къ ремесленному изолированному производству, то единственно-возможное рѣшеніе рабочаго вопроса заключается въ экспроприаціи капиталовъ и организаціи коллективнаго владѣнія орудіями труда.“

„Техника современнаго производства, начавшись социализаціей труда, логически-неизбѣжно ведетъ къ социализаціи владѣнія, т. е. къ практическому осуществленію социалистическихъ учений. Родившись на фабрикахъ, рабочій социализмъ проникаетъ и въ деревню“.

Естественно, что люди, видѣвшіе въ социалистической революціи „логически-неизбѣжный“ результатъ развитія объективныхъ экономическихъ условій и считавшіе социализацію собственности „единственно-возможнымъ“ выходомъ изъ совершившейся уже социализаціи производства, должны были искать и въ русской дѣйствительности такихъ объективныхъ экономическихъ предпосылокъ, которыя дѣлали бы вѣроятной эволюцію русской народной жизни въ социалистическомъ направленіи. Какъ мы знаемъ, такую предпосылку они нашли въ существованіи русской поземельной общины;

*) Курсивъ мой. Ср. со взглядомъ „Впереда“ (стр. 19—20 этой брошюры).

они думали, что естественное ея развитіе (предполагая государственный гнетъ устраненнымъ) ведетъ къ социализму, а не къ индивидуализму. Правда, передъ ними долженъ былъ вставать и вопросъ, какъ же устранить этотъ государственный гнетъ? Но они надѣялись на широкое и могучее народное движеніе, во главѣ котораго должна стать революціонная партія и которое сможетъ и абсолютизмъ, и зародыши капитализма. Обращая вниманіе преимущественно на кулачскій и ростовичскій капитализмъ, безпощадно разрушавшій тѣ самыя реальныя предпосылки социалистической революціи, которыя чернопередѣльцы клали въ основу своей программы, они, обобщая свое впечатлѣніе, склонны были видѣть въ русскомъ капитализмѣ вообще только его отрицательныя стороны и не признавать за нимъ много творческой, положительной работы. Притомъ они считали его количественно слишкомъ ничтожнымъ, да отчасти оно тогда такъ и было. „Въ настоящее время (писано въ 1880 году) промышленное развитіе Россіи ничтожно, и понятіе „трудящихся массы“ почти покрывается понятіемъ „крестьянство“. Идеализація общины и крестьянства заставляли чернопередѣльцевъ пока закрывать глаза на значеніе капиталистическаго фактора въ русской жизни, но дорога, на которой они стояли, должна была рано или поздно привести ихъ къ вѣрнымъ взглядамъ; пока же имъ приходилось вѣрить въ общину; я говорю „вѣрить“, потому что сейчасъ мы увидимъ, какъ марксистскій методъ, которымъ они оперировали, разбивалъ у нихъ иллюзіи на этотъ счетъ.“

У народниковъ всегда были двѣ различныя мѣрки: одна для Европы, другая для Россіи. Выше мы уже видѣли, какъ здраво рассуждаетъ чернопередѣлецъ, говоря о роли капиталистическаго способа производства, какъ подготовителя социалистическаго строя. Послушаемъ его дальше. „Неудивительно поэтому, что социалистическая пропаганда встрѣчаетъ самый радушный пріемъ въ мѣстностяхъ, охваченныхъ процессомъ капиталистическаго производства; напротивъ, мелкіе собственники-крестьяне относятся къ ней очень враждебно и составляютъ надежную опору реакціонныхъ партій... Такимъ образомъ, капитализмъ подготавливаетъ почву социализму и

является его необходимым предшественником“. Совсемь иначе обстоит дѣло съ тѣми счастливыми паціями, у которыхь сохранилось общинное землевладѣніе, а значить, и съ нашимь отечествомь.

Но развѣ существованіе общины мѣшаетъ тому, чтобы крестьянство служило опорой реакціонныхъ партій, развѣ при теперешнихъ условіяхъ оно не усиливаетъ, напротивъ, его политическій консерватизмъ и индифферентизмъ?— вотъ вопросы, которые неизбежно должны были вставать въ умѣ чернопередѣльцевъ. Знакомство съ крестьянской массой и съ сочиненіями „беллетристовъ-пародниковъ“ могло только укрѣпить въ нихъ это сомнѣніе*). Мало того. Они уже понимали, что нынѣшнее состояніе производительныхъ силъ въ области крестьянскаго хозяйства, обуславливая индивидуальный, разрозненный трудъ, не представляетъ никакой основы для коммунизма; такимъ образомъ, изъ сферы владѣнія вопросъ былъ перенесенъ въ область производства и на мѣсто юридической формы поставлена экономическая сущность. „Современное состояніе нашего земледѣлія, господство экстенсивной культуры почвы, не благоприятствуетъ общинной эксплуатаціи полей. Самое употребительное при такой обработкѣ земледѣльческое орудіе— соха, съ которою, какъ извѣстно, съ удобствомъ можетъ управляться одинъ рабочій. Раздѣленіе труда между отдѣльными работниками невозможно при подобномъ состояніи земледѣльческихъ орудій, а потому артельная обработка мірскихъ полей не въ состояніи была бы увеличить его производительность... Соціализація земледѣльческаго труда можетъ явиться естественнымъ слѣдствіемъ общиннаго землевладѣнія лишь на извѣстномъ уровнѣ сельскохозяйственной культуры“ и т. д.

Такимъ образомъ, если современное состояніе производительныхъ силъ не благоприятствуетъ „артельному“ производству, а логически обуславливаетъ частное хозяйство и индивидуальный трудъ, тогда естественной тенденціей общины будетъ не переходъ ея въ высшую форму, а ея разложеніе. Признаться открыто въ такомъ выводѣ чернопередѣльцы не могли, но они должны были обратиться къ

*) Писано въ 1901 году.

поискамъ другихъ элементовъ, кромѣ крестьянства, для созданія „народно-боевой организаціи“; иначе приходилось отложить дѣло социализма въ долгій ящикъ. Этотъ элементъ они нашли въ рабочемъ классѣ.

Чернопередѣльцамъ приходилось искать „мостъ для перехода той громадой пропасти, которая отдѣляетъ интеллигенцію отъ народа“, и этотъ мостъ они должны были найти въ такомъ классѣ, который по самымъ условіямъ своей жизни, по своему умственному развитію занимаетъ среднее мѣсто между интеллигенціей и крестьянствомъ, служа посредствующимъ звеномъ между ними. Сама жизнь приуждала ихъ незамѣтно и постепенно вносить измѣненія въ свою программу въ смыслѣ признанія преобладающаго значенія за рабочимъ классомъ*). Приступая къ перечисленію тѣхъ явленій нашей жизни, которыя давали возможность революціонерамъ усилить свое вліяніе въ народѣ, въ области „крестьянской“ жизни статья 2 № Черн. Пер. можетъ указать лишь на „волненіе казаковъ на Уралѣ, въ Полтавской станицѣ Кубанскаго Войска и на Дону“. Зато въ рабочей средѣ она упоминаетъ „стачки рабочихъ въ Серпуховѣ, Костромѣ, селѣ Тейковѣ, наконецъ, въ Петербургѣ, Москвѣ, Кіевѣ и Одессѣ, чтобы видѣть, какъ обильна была наша жатва и какъ мало оказалось жнецовъ“. Изъ осязательныхъ продуктовъ революціонной дѣятельности среди крестьянъ статья можетъ указать лишь на Чигиринское дѣло, но въ томъ же номерѣ редація должна высказать рѣшительное осужденіе тѣмъ пріемамъ, которые пущены были въ ходъ при организаціи Чигиринскаго заговора. Переходя къ рабочимъ, она не можетъ, напротивъ, не отмѣтить сравнительно значительныхъ успѣховъ пропаганды, которая велась среди нихъ. „Г о в о р и т ь - л и***) о городскихъ рабочихъ? Повторять-ли, что Мали-

*) Первый шагъ въ этомъ направленіи сдѣланъ былъ „Землей и Волей“; чернопередѣльцы, а особенно народовольцы продолжали въ этомъ отношеніи дѣло землевольцевъ, а социаль-демократы довели до конца.

**) Успѣхъ этотъ, значить, не подвергается даже сомнѣнію. Характерный оборотъ для народника, эволюционирующаго въ сторону социаль-демократіи.

новскіе, Обнорскіе, Петры Алексѣевы, Петерсоны и т. д. служатъ нагляднымъ доказательствомъ плодотворности нашей дѣятельности въ рабочей средѣ? Лѣтъ 20—25 тому назадъ группа рабочихъ-соціалистовъ въ Россіи была бы „чуждомъ родины своей“, а въ началѣ 80-хъ г.г. намъ пришлось услышать объ арестѣ тайной типографіи петербургскихъ рабочихъ и о готовившемся къ изданію соціалистическомъ рабочемъ листкѣ“.

Мало того. Авторъ этой принципиальной статьи не рѣшается даже сказать заранее, изъ какихъ слоевъ трудящагося населенія будутъ вербоваться главные силы революціонной арміи. Хотя въ настоящее время (т. е. когда была написана статья, въ 1880 г.) промышленное развитіе Россіи незначительно, но „пока мы дѣлаемъ свое дѣло, русская промышленность также не стоитъ на одномъ мѣстѣ. Нужда отрываетъ крестьянина отъ земли и гонитъ его на фабрики, на заводы. Рядомъ съ этимъ, центръ тяжести экономическихъ вопросовъ *) передвигается по направленію къ промышленнымъ центрамъ“ **).

Таковъ былъ итогъ, къ которому жизнь привела эволюцію народническихъ взглядовъ. Черезъ три года послѣ того, какъ написаны были вышецитированныя строки, партизаны чернопредѣльческой доктрины выступили убѣжденными соціаль-демократами, возлагавшими на капиталистическое развитіе Россіи главные свои надежды въ смыслѣ подготовленія соціалистическаго строя. Было-ли это измѣной своимъ прежнимъ убѣжденіямъ? Ничуть. Какъ мы видѣли, чернопредѣльцы и прежде опредѣленно стояли на марксистской точкѣ зрѣнія; они понимали, что наступленіе соціалистическаго строя предполагаетъ существованіе капиталистическаго способа производства, который является его необходимымъ предшественникомъ. Они знали, что пролетаріатъ охотно принимаетъ соціалистическое ученіе, тогда какъ крестьяне оказываютъ ему непреодо-

*) А значитъ, и революціоннаго вопроса.

**) Характерно, что газета „Ч. П.“ предназначалась для „интеллигентныхъ читателей“, къ которымъ редакція „относитъ и часть городскихъ рабочихъ“.

лимое (по крайней мѣрѣ, на первыхъ порахъ) сопротивленіе. Чувствуя ложность своей позиціи, они пытались закрывать глаза на развивающійся въ Россіи капитализмъ и апеллировать къ общинному землевладѣнію, какъ соціальному палладиуму, который одинъ только и оправдываетъ существованіе въ Россіи революціонной партіи. Соціальная жизнь есть явленіе слишкомъ сложное; на ряду съ элементами разрушающимися, отживающими, осужденными на исчезновеніе въ силу естественнаго развитія экономическихъ отношеній, имѣются элементы нарождающіеся и крѣпнущіе въ этомъ процессѣ развитія, и имъ-то принадлежитъ будущее. Общинное землевладѣніе представляетъ категорію перваго порядка, и чернопредѣльцы чуяли, что оно, при современномъ состояніи производительныхъ силъ, вовсе не является почвой для процвѣтанія „началь коллективизма“. Пока они связывали судьбу соціально-революціонной партіи съ этимъ наслѣдіемъ старины, которое уже на ихъ глазахъ начинало расплзаться по всѣмъ швамъ подъ напоромъ товарнаго производства и денежнаго хозяйства, до тѣхъ поръ жизнь готовила имъ только разочарованія; съ каждымъ шагомъ экономического прогресса, они не приближались, а отдалялись отъ своей цѣли. Другое дѣло, когда они обратились къ естественному продукту капиталистическаго развитія, къ рабочему классу, котораго сила, численность, сознаніе и организація возрастаютъ въ ходѣ капиталистической эволюціи. Теперь каждый шагъ экономического прогресса приближалъ ихъ къ цѣли, потому что они связали свою судьбу съ тѣмъ элементомъ общественной жизни, которому принадлежитъ будущее. Разрушеніе вѣры въ самопроизвольное стремленіе общины къ коммунизму приблизило чернопредѣльцевъ къ соціально-демократіи, а этотъ шагъ, какъ мы могли убѣдиться изъ предыдущаго изложенія, имъ не трудно было сдѣлать.

Теперь посмотримъ на эволюцію, пережитую политическими взглядами чернопредѣльцевъ.

Среди многихъ революціонеровъ существуетъ мнѣніе, будто чернопредѣльцы были противъ политической свободы, считая всякую конституцію порожденіемъ дьявола и буржуазіи. Это неверно. Такой

политической невинностью, которая присуща была большинству народниковъ въ 70-хъ годахъ, чернопередѣльцы уже не страдали. Въ полемической статьѣ противъ народовольцевъ, „Письмо къ товарищамъ“, помѣщенной въ первомъ же номерѣ „Чернаго Передѣла“, говорится слѣдующее: „Но не думайте, пожалуйста, товарищи, что я вообще противъ конституціи, противъ политической свободы. Я слишкомъ уважаю человѣческую личность, всѣхъ честныхъ и искреннихъ людей, чтобы быть противъ политической свободы. Какъ на Западѣ, такъ и у насъ стремленіе къ политической свободѣ есть результатъ нашего прогрессивнаго умственнаго развитія, продуктъ нашего общественнаго самосознанія... Говорить, что идея политической свободы для народа вещь непонятная, ненужная—не резонъ. Она для него такая же необходимая потребность, какъ и для интеллигента. Разница въ томъ, что эта потребность у народа сростается съ другими болѣе насущными, основными потребностями экономическаго свойства“. На послѣднія и должна опереться революціонная партія, чтобы гарантировать свободу отъ искаженій со стороны враждебныхъ ей элементовъ. А достигнуть этого можно только организаціей въ народѣ боевой партіи „на почвѣ экономическихъ отношеній, какъ понимаетъ ихъ народъ“. Ближайшей задачей революціонеровъ и должно быть созданіе такой партіи, и политическую борьбу авторъ ставитъ въ зависимость отъ предварительной революціонной работы въ народѣ.

Политическое настроеніе чернопередѣльцевъ все болѣе „краснѣетъ“ по мѣрѣ обостренія народовольческой борьбы съ правительствомъ. Если приведенныя слова изъ 1-го номера „Чернаго Передѣла“ (вышелъ въ январѣ 1880 г.) звучатъ какъ будто тономъ робкой уступки, которую врагъ революціоннаго новаторства вынужденъ съ неохотой сдѣлать духу времени, то гораздо опредѣленнѣе и рѣшительнѣе выражается передняя статья второго номера (сентябрь 1880 г.—разгаръ народовольческой борьбы), для того чтобы въ четвертомъ номерѣ, въ статьѣ по поводу 1 марта, окончательно высказаться за необходимость политической борьбы и навсегда распрощаться съ народнической политикобоязнью.

Вотъ что говоритъ передовица № 2: „Конечно, не намъ, отрицающимъ всякое подчиненіе человѣка человѣку, оплакивать паденіе деспотизма въ Россіи; не намъ, которымъ борьба съ существующимъ режимомъ стоила такихъ страшныхъ усилій и столькихъ тяжелыхъ потерь—желать его продолженія. Мы знаемъ цѣну политической свободы и можемъ пожалѣть лишь о томъ, что русская конституція отвѣдетъ ей недостаточно широкое мѣсто. Мы приветствуемъ всякую борьбу за права человѣка, и чѣмъ энергичнѣе ведется эта борьба, тѣмъ болѣе мы ей сочувствуемъ... Но кромѣ выгодъ, которыя несомнѣнно принесетъ съ собою политическая свобода, кромѣ задачъ ея завоеванія—есть другія выгоды и задачи; и забывать о нихъ невозможно именно въ настоящее время, когда общественныя отношенія такъ заострились и когда, поэтому, нужно быть готовымъ ко всему“.

Какъ мы видимъ, каждый разъ признаніе полезности борьбы за политическую свободу сопровождается у чернопередѣльцевъ нѣкоторыми „но“. Ниже мы поймемъ смыслъ этихъ оговорокъ, а теперь приведемъ изъ статьи по поводу 1 марта объясненія, коими чернопередѣльцы мотивируютъ свое благосклонное отношеніе къ конституціи. Для народниковъ это большой шагъ впередъ въ смыслѣ развитія политическаго сознанія.

Активная борьба Народной Воли, „позбличая всю несостоятельность нашего допотопнаго, азіатскаго государства, тѣмъ самымъ ускоряетъ паденіе у насъ неограниченнаго монархизма, приближаетъ моментъ установленія болѣе совершенныхъ формъ политической жизни, нѣкоторую (!) полезность которыхъ врядъ ли возможно отрицать... Внесеніе правового элемента въ систему нашихъ государственныхъ отношеній, ослабленіе полицейской опеки и административнаго произвола, большая упорядоченность и справедливость податной системы, расширеніе гласности, свободы печати, независимости судей—все это, сопряженное съ конституціоннымъ порядкомъ, непремѣнно затруднитъ наглое „хищеніе“, которое совершается у насъ безпрепятственно во мракѣ абсолютизма, въ душной атмосферѣ его произвола“... Итакъ, по мнѣнію чернопередѣльцевъ, конститу-

ціонныя вольности могутъ даже въ извѣстной мѣрѣ оказаться полезными для народной массы—нововведеніе, очень существенное. Такъ какъ политика русскаго самодержавія покровительствуетъ „первоначальному накопленію“, этой самой отвратительной формѣ экспроприации народа, то паденіе абсолютизма будетъ прямымъ выигрышемъ для народа въ сферѣ экономическихъ отношеній. Но этимъ не ограничится влияніе конституціоннаго режима.

„При представительномъ правленіи, какъ бы исключительно оно ни было, когда общественное мнѣніе получить возможность фактически проявлять себя, организуются различныя партіи, зачатки которыхъ существуютъ уже и въ настоящее время... Явится необходимость во всевозможнаго рода партійныхъ собраніяхъ, митингахъ, избирательной агитации и т. д., что, понятно, не можетъ не подѣйствовать благотворно какъ на общество, такъ и на массу; это послужитъ имъ школой для выработки политической дальновзоркости и смысла, которая образуетъ со временемъ изъ мирныхъ обывателей гражданъ. Намъ могутъ возразить, что народъ крайне индифферентно относится къ своимъ политическимъ правамъ, что онъ за ведро водки подастъ свои голоса за любого кандидата, что, однимъ словомъ, съ парламентомъ случится та же исторія, что и съ земствами. Все это совершенно справедливо, но только на первое время. Въдь только одна Минерва во всеоружіи вышла изъ головы Юпитера, въ обыкновенной же жизни гражданское чувство вырабатывается далеко не сразу, но тѣмъ не менѣе оно такимъ путемъ все таки вырабатывается...“

Сфера дѣятельности партіи (соціалистической), ея внѣшнія условія также сдѣлаются болѣе благопріятными для насъ“ *).

Не правда ли, характерныя для народника признанія? Авторъ

*) И еще: „Мы сами признаемъ не малое значеніе за устраненіемъ деспотизма, давящаго своими желѣзными, хищными лапами русскую жизнь во всѣхъ ея свѣтлыхъ проявленіяхъ; мы прекрасно понимаемъ, что съ измѣненіемъ существующаго политическаго строя тѣсно связанъ цѣлый рядъ, конечно, не коренныхъ, не принципиальныхъ, но все таки довольно серьезныхъ экономическихъ реформъ“. (Передовая статья № 4-го).

самъ чувствуетъ это и снѣшить въ концѣ статьи успокоить „молодыхъ друзей“, что признавать конституціонные порядки въ извѣстной мѣрѣ полезными для народа не значить измѣнять своей социалистической программѣ.

Мало того; чернопредѣльцы начали даже положительно относиться къ террористической борьбѣ. Вопреки обычному мнѣнію, будто пропагандисты негодовали на терроръ за то, что онъ мѣшаетъ планомерной пропагандѣ и организаціи, мы встрѣчаемъ въ „Черномъ Предѣлѣ“ неоднократно заявленія, что активныя дѣйствія Народной Воли не только представляютъ хорошее средство для завоеванія политической свободы, но даже облегчаютъ пропаганду и готовятъ для нея почву.

Крупный актъ партіи Народной Воли „въ городѣ въ извѣстный моментъ можетъ быть очень кстати“ (№ 1, стр. 13).

„Вѣковой предрасудокъ можетъ быть разбитъ только великими событіями. 1 марта не прошло ни для кого безслѣдно, такъ или иначе оно оставило слѣды въ сознаніи каждаго, оно всѣхъ пробудило отъ спячки, дало могучій толчекъ для общественной мысли и чувства... Несомнѣнно, что первому марта принадлежитъ своя доля участія въ пороженіи этихъ (народныхъ) беспорядковъ... Другіе виды революціонной дѣятельности, какъ-то пропагандаторская и организаціонная, получаютъ свое настоящее значеніе въ моменты, непосредственно слѣдующіе за крупными активными фактами. Партія должна усиленно пользоваться тѣмъ исключительно агитаціоннымъ состояніемъ, которое возникаетъ въ каждой общественной средѣ за такими дѣйствіями партіи. Гораздо труднѣе и медленнѣе совершается работа партіи въ моменты полного политическаго штиля, когда ей приходится преодолевать большое сопротивленіе со стороны абсолютнаго индифферентизма. Самый фактъ утрачиваетъ значительную часть своей силы и цѣнности, если не приложены усилія къ тому, чтобы освѣтить его надлежащей идеей и утилизовать его для популяризации знамени партіи. Цѣлостная и систематическая работа партіи является лишь въ томъ случаѣ, когда всѣ три рода дѣятельности практикуются параллельно и взаимно дополняютъ другъ друга“.

(№ 4, 5—6).

Последнія положенія вводят насъ въ самый центръ возраженій, которыя „Ч. П.“ дѣлаетъ партіи „Н. В.“. Мы видѣли выше, что, не отрицая значенія и важности борьбы за политическую свободу, чернопередѣльцы ставили ее въ зависимость отъ предварительной работы въ народѣ. Когда „Н. В.“ заявила съ одной стороны, что при настоящихъ условіяхъ работа въ народѣ равносильна наполненію бездонной бочки Данаидъ, а съ другой стороны, впадала въ излишній оптимизмъ, высказывая надежду, что въ русскомъ Учредительномъ Собраніи 90% его членовъ будутъ представителями крестьянскихъ интересовъ, въ это время народники „Черн. Передѣла“ мѣрило оцѣнили соотношеніе общественныхъ силъ въ русскомъ обществѣ и, протестуя противъ сосредоточенія всѣхъ силъ партіи на политической борьбѣ, они доказывали необходимость созданія кадровъ народной партіи уже теперь, до политическаго переворота. Какъ это ни странно, но въ своемъ требованіи затрачивать главную часть силъ партіи на подготовленіе народно-боевой организаціи народники „Ч. П.“ исходили изъ признанія нашей буржуазіи единственно серьезной силой въ русскомъ обществѣ.

„Правда, наша буржуазія, какъ политическая сила, пока находится лишь въ потенциальномъ состояніи. Но слабая политически, она въ настоящее время, при общей нашей экономической бѣдности — народа, дворянства и другихъ социальныхъ группъ — составляетъ единственную солидную силу. Правительство въ настоящее время цѣнитъ всѣ мѣры для увеличенія роста ея... Развѣ не характерно заявленіе московской биржи, недавно поданное Грейгу, о томъ, чтобы всѣ финансовыя мѣропріятія правительства совершались съ ея вѣдома, сообразно ея интересамъ? Всегда осторожная, боящаяся всякихъ заговоровъ и смуть, буржуазія наша, тѣмъ не менѣе, прекрасно сумѣетъ воспользоваться тѣмъ переполохомъ, который вы (т. е. народовольцы) намѣрены произвести. Когда понадобится, она обнаружитъ не мало энергій, находчивости и ума. Найдутся писатели, ученые и ораторы, готовые защищать ее, облечь ея требованія въ законную форму. Да и теперь уже большинство нашихъ ученыхъ и публицистовъ, за весьма немногими

исключеніями, работаютъ въ пользу буржуазіи. Возьмите, напр., хоть бы „Труды“ разныхъ нашихъ комиссій, проекты вольно-экономическаго, ссудо-сберегательнаго и другихъ обществъ, чтобы убѣдиться въ томъ, что буржуазная тенденція, если не сказать наука, вполнѣ сложилась у насъ и что она ждетъ лишь политической аренны“.

Вотъ какіе элементы захватятъ власть послѣ политическаго переворота, если народъ не будетъ подготовленъ къ сознанію своихъ интересовъ. Народовольцы надѣялись на избирательную агитацию и рѣсчитывали имѣть на своей сторонѣ подавляющее большинство въ Учредительномъ Собраніи. Авторъ цитируемаго письма разбиваетъ и эту иллюзію. Народъ будетъ захваченъ врасплохъ, говоритъ онъ и указываетъ на ирландскіе выборы (гдѣ помѣщики заставляють фермеровъ голосовать по своему приказанію), чтобы напомнить имъ, что на удачный исходъ русскихъ выборовъ въ Земскій Соборъ нечего возлагать особенныхъ надеждъ. „Подобная же (какъ во Франціи во время плебисцитовъ, въ Англии и Ирландіи) система выборовъ будетъ несомнѣнно практиковаться и у насъ, какъ это уже и теперь происходитъ въ небольшомъ видѣ при выборахъ земскихъ и городскихъ гласныхъ. Какую роль играетъ народъ въ этихъ собраніяхъ — прототипъ будущаго Земскаго Собора — слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстно. Въ городѣ въ Земскій Соборъ попадетъ богатый, вліятельный купецъ, въ деревнѣ, въ большинствѣ случаевъ — богатый „знатный мужикъ“, „хозяйственный мужичекъ“... Въ число депутатовъ отъ крестьянъ попадетъ также мѣстный землевладѣлецъ — „баринъ“!

Для того, чтобы народъ не оказался одураченнымъ при новомъ политическомъ режимѣ, чтобы онъ могъ широко воспользоваться свободой и отстаивать свои интересы, для этого необходимо озаботиться организаціей въ народѣ боевой партіи или, по крайней мѣрѣ, кадровъ такой партіи. Только при такомъ условіи борьба за политическую свободу принесетъ народу максимумъ возможной пользы, тѣмъ болѣе, что, по мнѣнію того же автора, „борьба съ буржуазнымъ государствомъ не въ примѣръ труднѣе, чѣмъ съ современнымъ“. Мало того, политическая борьба съ деспо-

тическимъ государствомъ не можетъ увѣнчаться успѣхомъ безъ сознательной поддержки широкихъ слоевъ народной массы. Что можетъ сдѣлать сравнительно малочисленная группа интеллигентной молодежи и отдѣльных лицъ разныхъ сословій и положеній, при всей своей энергій и рѣшимости, въ смыслѣ захвата власти или политическаго переворота? А если даже предположить невозможное, если допустить, что такой группѣ удастся вызвать политическій переворотъ, то чѣмъ мы гарантированы отъ такой, напр., непріятной перспективы: временно нарушенное между монархомъ и высшими классами согласіе возобновится; буржуазія захватитъ политическую власть, которую, въ виду отсутствія народной партіи, дѣлить ей ни съ кѣмъ не приходится; охранители изъ департамента полиціи будутъ замѣнены охранителями изъ Земскаго Собора и снова воцарится „порядокъ“? А между тѣмъ, при отсутствіи серьезной революціонной организаціи въ народѣ, которая въ рѣшительный моментъ могла бы бросить на вѣсы исторіи свой мечъ, такой исходъ очень даже вѣроятенъ. И вотъ почему чернопередѣлецъ, при всемъ своемъ „сочувствіи политической борьбѣ“ ставитъ „дѣятельность въ народѣ выше всѣхъ задачъ, какъ источникъ нашей силы и нашихъ успѣховъ въ борьбѣ съ врагами, которыхъ въ конституціонной Россіи у насъ, конечно, будетъ не менѣе, чѣмъ теперь“.

Общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, „основные интересы“ которыхъ „прямо противоположны между собой“; для переворота необходима диктатура извѣстнаго класса, которая „устранивъ старый порядокъ, захватила бы въ свои руки весь государственный организмъ страны и установила бы новыя обязательныя нормы“. „Ни военный переворотъ, ни дворцовая революція не въ состояніи осуществитъ идею трудового социализма. Только путемъ побѣдоносной народной революціи и можетъ совершиться дѣло народнаго освобожденія“. „Основные интересы народа и всѣхъ прочихъ общественныхъ группъ въ корнѣ расходятся между собой; громадное, подавляющее большинство изъ нихъ не за народъ, а противъ него. Надѣяться составить многочисленную социальную-революціонную партію изъ интеллигенціи невозможно—это иллюзія, это значитъ задаваться

задачей перевоспитанія цѣлыхъ поколѣній. Взять эту задачу на себя партія пиконимъ образомъ не должна, она должна обратиться къ своему непосредственному, жизненному источнику — народу. Только самъ народъ и можетъ освободить себя“ *).

Резюмируя теперь тѣ выводы, къ которымъ пришли чернопередѣльцы, мы получаемъ слѣдующую картину.

Въ основѣ общественнаго развитія лежатъ явленія экономическія, въ частности состояніе производительныхъ силъ, при чемъ для всякаго социальнаго переворота нужны реальныя экономическія предпосылки. Такое состояніе производительныхъ силъ, которое обуславливаетъ индивидуальный, разрозненный трудъ (напр., с о х а), не создаетъ основы для коммунистическаго строя; напротивъ, развитіе капиталистическаго способа производства, обобщая процессъ труда, неизбежно ведетъ къ социалистическому строю, причемъ социализація владѣнія является результатомъ социализаціи производства. Поэтому социалистическая пропаганда пользуется такимъ рѣшительнымъ успѣхомъ среди пролетаріата и стольже рѣшительнымъ неуспѣхомъ въ крестьянской средѣ (исключеніе для русской общины, въ очень, впрочемъ, условномъ смыслѣ; напр. с о х а). Современное общество состоитъ изъ различныхъ классовъ, интересы которыхъ прямо противоположны; ни одинъ классъ или группа не можетъ брать на себя задачу и инициативу освобожденія другого класса: освобожденіе народа должно быть дѣломъ самого народа. Достигнуть этого освобожденія можно путемъ организаціи народныхъ силъ въ боевую партію, которая, въ рѣшительный моментъ захватываетъ въ свои руки государственную власть и, учредивъ диктатуру класса, преобразовываетъ общественный строй въ своихъ интересахъ. Такому социальному перевороту предшествуетъ измѣненіе

*) Ссылаясь на то, что политическій терроръ въ большинствѣ случаевъ остается непонятенъ народу, „Ч. П.“ рекомендуетъ систематическій „фабричный“ и „аграрный“ терроръ—идея, которая существовала въ „Южно-русскомъ рабочемъ Союзѣ“ въ Кіевѣ въ началѣ 80-хъ гг. и впоследствии возродилась у, такъ наз., „молодыхъ“ народовольцевъ (въ 1883—84 гг.); но въ данномъ случаѣ это насъ не интересуетъ.

политического режима, которое немисливо безъ содѣйствія народныхъ массъ. Поэтому социальнореволюционная партія должна сосредоточить главныя свои силы на работѣ „въ народѣ“, на организаціи народной партіи или, по крайней мѣрѣ, на выработкѣ кадровъ такой партіи. Съ одной стороны, это необходимо и для успѣшности политическаго переворота, съ другой стороны—для гарантированія народу максимума выгодъ отъ установленія правового режима, при которомъ непосредственная власть перейдетъ не въ руки народа, а въ руки буржуазіи.

Передъ нами почти все основныя положенія русской социальной демократіи,

Въ этой стройной системѣ (а что она была именно такова, читатель могъ убѣдиться изъ предыдущаго изложенія) надлежало болѣе выяснитъ и подчеркнуть два пункта. Первый—касался роли капитализма, а значитъ и пролетаріата, въ развитіи русской общественной жизни. Второй—касался значенія борьбы за политическую свободу.

Главныя надежды свои въ смыслѣ социалистической революціи чернопредѣльцы приурочивали къ своей (впрочемъ, сильно уже помятой) вѣрѣ въ общину, точнѣе, въ ея самопроизвольную тенденцію къ социализму. Но марксистская точка зрѣнія, на которой они стояли, весьма недвусмысленно говорила имъ, что при данномъ уровнѣ техники, при данномъ состояніи производительныхъ силъ, индивидуализмъ представляетъ въ общинѣ явленіе нормальное, неустранимое. То же ученіе, которое они раздѣляли, должно было убѣждать ихъ, что при господствѣ товарнаго производства, или, что въ данномъ случаѣ одно и то же, денежнаго хозяйства, „естественное“ стремленіе общины ведетъ ее къ разложенію, а не къ переходу въ высшую форму, къ торжеству индивидуализма, а не социализма: вѣдь по ихъ же словамъ, социализація владѣнія есть результатъ социализаціи производства, а не наоборотъ. Тотъ же марксизмъ убѣдительно говорилъ имъ, что капитализмъ создаетъ почву для социализма и порождаетъ его съ желѣзной необходимостью, что исторически первый является необходимымъ предшественникомъ

второго; но обращаясь къ русской дѣйствительности, они видѣли въ ней ничтожное развитіе этого капитализма и потому уходили въ сторону отъ естественно напрашивавшагося вывода. Стоило имъ убѣдиться, что русская экономическая жизнь развивается именно въ направленіи капиталистическаго производства, — а знакомый имъ методъ давалъ имъ возможность сравнительно легко разобраться въ данныхъ нашей экономической дѣйствительности и въ ея тенденціяхъ—и имъ нечего было убѣгать отъ собственной логики. Тогда они убѣдились, что развитіе капитализма есть центральный узелъ русской жизни и основная тенденція всего нашего „пореформеннаго хозяйства“, а значитъ, что въ русской дѣйствительности вырабатываются и крѣпнутъ тѣ самыя реальныя и экономическія предпосылки социализма, которыхъ они тщетно и въ противорѣчіи съ собственными историко-философскими взглядами искали въ русской общинѣ. Но еще раньше, чѣмъ они открыто пришли къ этому выводу, сама жизнь, которая оказалась сильнѣе всехъ „априорныхъ построений“, заставила ихъ усумниться въ томъ, изъ какихъ слоевъ трудящейся массы будутъ вербоваться главныя силы революціи, а затѣмъ прямо признать, что центр тяжести вопроса передвигается къ рабочей средѣ. Когда, наконецъ, изъ-за туманныхъ очертаній общей народной массы они разглядѣли тотъ классъ, самое развитіе котораго предвѣщаетъ смерть частной собственности, который самими условиями своего существованія вынуждается взять на себя инициативу социалистическаго преобразования общества и который только и въ силахъ произвести и довести до конца этотъ переворотъ,—т. е. пролетаріатъ, тогда они сказали послѣднее „прости“ народническимъ предразсудкамъ, и цѣль ихъ развитія была завершена.

Но раньше имъ оставалось еще окончательно раздѣлаться съ народничествомъ въ политикѣ, какъ они раздѣлялись съ нимъ въ экономіи и философіи исторіи. И въ этомъ отношеніи благотворное вліяніе на нихъ „Народной Воли“ стоитъ внѣ всякаго сомнѣнія.

Народовольцы выставили положеніе, что политическая свобода (помимо того, что она есть благо сама по себѣ) необходима именно для развитія социалистической дѣятельности, что широкая прона-

ганда соціалістическихъ идей невозможна при абсолютномъ режимѣ, что поэтому борьба со старымъ режимомъ и низверженіе его составляютъ главную, первую задачу русскихъ соціалістовъ. Мы видѣли, какъ подъ вліяніемъ ихъ теоріи, а главнымъ образомъ, ихъ практики все болѣе и болѣе опредѣлялись политическіе взгляды „Чернаго Передѣла“. Но до послѣдняго времени своего существованія (№ 4 вышелъ въ сентябрѣ 1881 г.), чернопредѣльцы выражались сравнительно робко объ этомъ вопросѣ: они дѣлали какъ-будто уступку и въ то же время какъ бы боялись, что ихъ упрекнутъ за это въ измѣнѣ революціоннымъ традиціямъ. Признать политическую борьбу основнымъ элементомъ соціалістической дѣятельности, признать низверженіе абсолютизма первой задачей русскаго соціалістическаго движенія, а завоеваніе свободнаго политическаго режима необходимымъ предварительнымъ условіемъ соціальной революціи—таковъ былъ второй шагъ, который имъ оставалось сдѣлать. Ихъ марксизмъ облегчалъ имъ рѣшеніе и этой стороны задачи.

И тогда они сдѣлались соціаль-демократами.

Ю. Стекловъ.

Конецъ.

Цит. с. 1306.